

**МАКСИМ
ВЗОР**

**ТЕМНЫЙ
ПОВЕЛИТЕЛЬ**

Максим Взор

Темный повелитель

«Автор»

2026

Взор М.

Темный повелитель / М. Взор — «Автор», 2026

Московский психолог Алина Воронцова специализировалась на выгорании топ-менеджеров и тревожных расстройствах. Но после нелепой смерти под колесами автомобиля она оказывается в теле придворной целительницы в мире темной магии. И её первый пациент — никто иной, как Дарен Морвейн, Темный Властелин, глава Академии Сумеречных Искусств и предполагаемый Разрушитель Мира. Согласно древнему пророчеству, он должен пронзить её сердце до полуночи, чтобы запустить апокалипсис. Вот только вместо безумного чудовища Алина видит истощенного мужчину с хронической бессонницей, паническими атаками и токсичной матерью-императрицей. Вместо того чтобы умереть, Алина ставит Властелину предварительный диагноз и предлагает терапевтический контракт.

© Взор М., 2026

© Автор, 2026

Максим Взор

Темный повелитель

Глава 1. Смерть по расписанию

Первое, что я услышала после смерти, было:

— На колени перед Разрушителем Мира!

Голос звучал так, словно его обладатель двадцать лет репетировал эту фразу перед зеркалом и наконец дождался благодарной аудитории.

Я открыла глаза.

Передо мной простирался зал, которому позавидовал бы любой московский ресторатор с концепцией «готика для обеспеченных». Черный мрамор, серебряные светильники, колонны, обвитые чем-то подозрительно похожим на живые тени. На стенах висели портреты крайне недовольных людей. Судя по фамильному сходству, недовольство передавалось здесь по наследству.

По обе стороны от меня стояли стражники в доспехах. Один держал алебарду у моего горла. Второй демонстрировал выражение человека, который уже заполнил все бумаги по поводу моей казни и не хотел ничего переделывать.

Я попыталась восстановить события.

Москва. Дождь. Поздний вечер. Последний клиент ушел в десять, хотя обещал уложиться в час. Я вышла из кабинета, думая о кофе, отпуске и том, почему психологи так хорошо объясняют другим необходимость отдыха и так плохо следуют собственным рекомендациям.

Потом — визг тормозов.

Теперь — алебарда.

Логично.

— Я бы встала на колени, — сказала я, — но сначала хотела бы уточнить причину задержания.

Стражник моргнул.

— Задержания?

— Если это похищение, я должна понимать требования. Если казнь — обвинение. Если театрализованный тренинг личностного роста, то я не давала согласия на участие.

— Ты стоишь перед Темным Властелином! — торжественно объявил первый голос.

Я подняла голову.

В дальнем конце зала находился трон. Разумеется, черный. Разумеется, с шипами. Я всегда считала такую мебель профессиональной вредностью: сидеть неудобно, расслабиться невозможно, а случайно откидываться назад вообще противопоказано.

На троне сидел мужчина.

Если бы хроническое переутомление могло принять человеческий облик, оно выглядело бы именно так.

Черные волосы падали на высокий лоб. Лицо было красивым — резкие скулы, прямой нос, жестко очерченный рот. Черный камзол сидел безупречно, но пальцы правой руки едва заметно дрожали. Под глазами залегли тени, не имеющие отношения к магии. Плечи оставались напряженными даже в покое.

Вокруг трона шевелилась темнота.

Не метафорическая. Самая настоящая.

Она стекала по ступеням и тянулась по полу, будто изучая присутствующих на предмет пищевой ценности.

Мужчина посмотрел на меня.

Его глаза действительно были почти черными. В них ожидалось безумие, жестокость и хотя бы легкое желание немедленно меня испепелить.

Я увидела изматывающую настороженность человека, который очень давно не чувствовал себя в безопасности.

— Подойди, — приказал он.

— А алебарду можно убрать?

— Нет.

— Тогда мы получим искаженные результаты первичного интервью.

По залу пронесся шепот.

Темный Властелин чуть наклонил голову:

— Какого интервью?

— Пока не знаю. Вы меня вызвали.

— Тебя привели, чтобы исполнилось пророчество.

Ну конечно. Стоило сменить мир, чтобы сразу попасть в систему с неясным техническим заданием.

Справа выступил высокий мужчина в серой мантии. Его седые волосы были собраны в хвост, а на груди висела цепь с десятком светящихся кристаллов.

— В ночь багровой луны, — произнес он, — чужеземная целительница предстанет перед Повелителем Теней. Он пронзит ее сердце, и первая печать падет. Так начнется конец мира.

— До полуночи осталось семь минут, — добавил стражник.

— Очень сжатый дедлайн.

Властелин поднялся.

Тени вокруг трона взметнулись. Несколько придворных синхронно отступили. Серый маг побледнел, но остался на месте.

Мужчина начал спускаться ко мне.

Каждый его шаг отдавался в зале низким гулом. Воздух тяжелел. На ладони Властелина появилась длинная игла из черного пламени.

Организм сообщил мне, что происходящее определенно опасно. Сердце ускорилося, мышцы напряглись, дыхание стало поверхностным.

Я медленно выдохнула.

Паника не помогла бы. Попытка убежать тоже. Оставалось то, что я умела лучше всего: говорить с человеком в кризисе.

Темный Властелин остановился в двух шагах.

Теперь я видела, что его зрачки расширены. Кожа слишком бледная. Дыхание неровное. Рука с оружием напряжена так сильно, что побелели костяшки пальцев.

На его запястье темнел старый шрам.

— Имя, — потребовал он.

— Алина Воронцова.

— Ты не та женщина, чье тело занимаешь.

Удивительно наблюдательный пациент.

— Похоже, что так.

— Ты боишься меня?

— Очень.

По залу прокатился новый шепот.

Он, кажется, не ожидал честного ответа.

— Но страх не мешает мне замечать очевидное, — добавила я.

Черное пламя приблизилось к моей груди.

— И что же тебе очевидно?

Я посмотрела ему в глаза:

— У вас тремор, нарушенное дыхание, выраженное мышечное напряжение и, вероятно, хроническая бессонница. Тени реагируют на ваше эмоциональное состояние. Когда упомянули пророчество, они усилились. Вы сейчас хотите меня убить или считаете, что обязаны это сделать?

Пламя замерло.

Тишина стала такой плотной, что в ней можно было хранить драгоценности.

— Это одно и то же, — произнес он.

— Нет. Иначе вы уже закончили бы.

До полуночи оставалось, судя по огромным часам над троном, четыре минуты.

Властелин смотрел на меня. Тени беспокойно ползали вокруг его сапог.

— Ты пытаешься заговорить мне зубы.

— Я психолог. Это профессиональное.

— Я не знаю такого вида магии.

— Многие клиенты поначалу тоже так говорят.

Серый маг кашлянул:

— Повелитель, пророчество...

Черное пламя дрогнуло.

Я отметила реакцию.

— Ваше имя? — спросила я.

Мужчина нахмурился:

— Ты обязана знать мой титул.

— Титул я слышала. Он ничего не сообщает о человеке.

Еще один взгляд. Долгий, тяжелый и слишком внимательный.

— Дарен Морвейн.

— Хорошо, Дарен. Когда вы в последний раз спали дольше четырех часов?

Черное пламя исчезло.

Часы пробили полночь.

Где-то вдалеке гроыхнуло, будто вселенная уронила кастрюлю.

Все присутствующие посмотрели на потолок.

Ничего не произошло.

Первая печать не пала. Конец мира не начался. Я по-прежнему была жива.

Дарен медленно перевел взгляд с часов на меня.

— Три года назад, — сказал он.

— Тогда предлагаю начать с этого.

Он прищурился:

— Ты только что сорвала пророчество.

— Понимаю. Не люблю работать сверхурочно.

Впервые за весь разговор уголок его рта едва заметно дрогнул.

А потом тени взвились до потолка, и Темный Властелин рухнул к моим ногам.

Глава 2. Разрушитель Мира записывается на прием

— Пространство! — приказала я. — Всем отойти.

Никто не двинулся.

Люди в фэнтезийных мирах, как выяснилось, реагировали на кризис примерно так же, как сотрудники крупной компании, когда генеральный директор падал в обморок на совещании: замирали и ждали, что ответственность возьмет кто-нибудь другой.

— Он убил Повелителя! — завопил стражник с алебардой.

— Я женщина.

— Она убила Повелителя!

— Он дышит. Маг в сером, вы целитель?

— Я верховный магистр Фальк.

— Поздравляю. Вы умеете определять пульс?

Фальк посмотрел на меня так, словно я предложила ему лизнуть дверную ручку.

— Разумеется.

— Тогда определяйте.

Я опустилась рядом с Дареном. Дыхание было частым, но ровным. Я не знала местной анатомии и не могла быть уверена, что его вид полностью соответствовал человеческому, поэтому воздержалась от рискованных манипуляций.

Тени вокруг нас сгустились.

Одна коснулась моей руки.

Холод прошел по коже, но агрессии я не почувствовала. Скорее тревогу. Как если бы огромный сторожевой пес толкал носом человека, который мог помочь хозяину.

— Не трогайте меня, — тихо сказал Дарен.

Он открыл глаза.

— Вы потеряли сознание.

— Я медитировал.

— Лежа на полу?

— Это древняя техника.

— Конечно.

Он сел. Тени поддержали его под плечи. Все присутствующие облегченно выдохнули, а стражник убрал алебарду от моей шеи.

— Арестовать целительницу, — приказал Дарен.

Алебарда вернулась.

— За что именно?

— За срыв пророчества, применение неизвестной магии и неуважение к древним техникам медитации.

— Последнее особенно тяжкое преступление?

— Непростительное.

Его голос звучал холодно, но взгляд стал более осмысленным. Похоже, короткая потеря сознания была следствием сочетания истощения, стресса и магического перенапряжения.

— Если вы меня казните, — сказала я, — то не узнаете, почему упали.

— Я не падал.

— Медитировали.

— Именно.

— Тогда не узнаете, почему ваше тело принудительно ввело вас в состояние древней медитации.

Фальк потер переносицу:

— Повелитель, возможно, стоит выслушать ее. Ритуал сорван. Повторить его можно будет только через двадцать девять дней.

— Почему?

— Такой у пророчеств характер.

Дарен поднялся без посторонней помощи. На этот раз чуть медленнее.

— В малую гостиную, — распорядился он. — Фальк, ты останешься. Остальные — вон.

— А я? — спросила я.

— Ты и есть причина, по которой мы туда идем.

Малая гостиная оказалась размером с мой прежний кабинет, если умножить его на четыре и добавить камин с зелеными языками пламени. Дарен сел в кресло. Фальк остался стоять у двери.

Для меня кресла предусмотрено не было.

Я взяла стул у стены и поставила его напротив Дарена.

Фальк побледнел:

— На этом стуле сидит императрица.

— Сейчас не сидит.

Дарен коротко взглянул на мага:

— Оставь.

Я села.

— Сразу обозначу: я не ставлю диагнозов после одного взгляда. Все сказанное в тронном зале — предварительная гипотеза.

— На человеческом языке.

— Мне кажется, вы находитесь в состоянии длительного психологического и физического истощения. Возможно, пережили травмирующие события, которые продолжают влиять на вас сейчас.

— Я пережил восемнадцать покушений.

— Это считается.

— Три войны с демонами.

— Тоже.

— Собственную коронацию.

— Не знаю местных обычаев, но по вашему тону предполагаю, что она была хуже демонов.

Фальк издал звук, подозрительно похожий на подавленный смешок.

Дарен посмотрел на него. Маг немедленно принял вид человека, размышляющего о вечности.

— Вы видите кошмары? — спросила я.

— Нет.

Тени у его ног дернулись.

Я перевела взгляд на них.

— Они лгут хуже вас.

— Тени не умеют лгать.

— Именно.

Он сжал подлокотник.

— Что тебе нужно?

— Чтобы вы ответили на несколько вопросов.

— Зачем?

— Чтобы понять, могу ли я помочь.

— Мне не нужна помощь.

— Тогда почему я еще жива?

На этот раз молчание длилось дольше.

Дарен отвел взгляд к огню.

— Потому что пророчество не исполнилось.

— Вы могли убить меня после полуночи.

— Мог.

— Но не убили.

— Пока.

— Это слово часто успокаивает ваших собеседников?

— Обычно.

Я заметила, что его дыхание снова становится поверхностным.

— Назовите три предмета, которые видите.

— Что?

— Любые три предмета в комнате.

— Я не участвую в салонных играх.

Тень за его креслом выросла.

— Зеленое пламя, — спокойно сказала я. — Серебряная чаша. Портрет женщины, которая выглядит так, будто лично запретила людям радоваться.

Фальк закрыл рот рукой.

Дарен проследил за моим взглядом и застыл.

На портрете была светловолосая женщина с тонкими чертами лица. Ее ладонь лежала на плече мальчика лет восьми. Мальчик держался неестественно прямо. Даже на картине он выглядел так, будто боялся пошевелиться.

У него были глаза Дарена.

Тени хлестнули по полу.

— Уберите портрет, — сказала я Фальку.

— Это изображение вдовствующей императрицы Астеллы.

— Прекрасно. Пусть временно вдовствует в коридоре.

— Никто не имеет права...

— Убрать, — приказал Дарен.

Фальк снял картину с крючка. Когда дверь за ней закрылась, тени постепенно опустились.

— Что вы чувствуете в теле? — спросила я.

— Ничего.

— Сжатые зубы. Напряженные плечи. Боль в груди. Желание либо уйти, либо уничтожить источник угрозы?

Он резко посмотрел на меня.

Попала.

— Откуда ты знаешь?

— Я наблюдаю. И задаю вопросы.

— Это магия?

— Нет. Навык.

Дарен подался вперед:

— Научи меня.

Это было первое прямое выражение желания с его стороны. Не приказ. Не угроза. Просьба, хотя он сам пока этого не понял.

— Для этого понадобится время.

— У тебя двадцать девять дней.

— Почему?

Фальк, вернувшийся без портрета, мрачно ответил:

— В следующую багровую луну пророчество снова потребует вашей смерти.

— Прекрасно. Значит, у нас ограниченный терапевтический контракт.

Дарен поднял бровь:

— Что такое контракт?

— Договор о совместной работе. Я помогаю вам справляться с кошмарами, вспышками магии и последствиями прошлого. Вы не убиваете меня и по возможности честно отвечаете на вопросы.

— А если не поможешь?

— Тогда к концу двадцати девяти дней мы будем знать об этом больше, чем сейчас.

Он задумался.

Тени обвилились вокруг ножек моего стула, но больше не казались угрожающими.

— Хорошо, — произнес Темный Властелин. — У тебя двадцать девять дней, целительница.

— И отдельное помещение для консультаций.

— Ты торгуешься со мной?

— Устанавливаю рабочие условия.

— Что еще?

— Никаких алебард у горла во время сеанса.

— Неразумное требование.

— Обязательное.

Дарен посмотрел на Фалька:

— Подготовь контракт.

— Магический?

— Разумеется.

Я почувствовала нехорошее предчувствие.

— Могу я сначала прочесть условия?

Оба мужчины посмотрели на меня с одинаковым недоумением.

Похоже, в этом мире я первой догадалась, что магические контракты тоже следовало читать до подписания.

Глава 3. Контракт с мелким шрифтом

Контракт занимал девять страниц.

Еще две страницы составляли примечания. Отдельный свиток содержал перечень допустимых наказаний за нарушение условий. Самым гуманным из них было «временное обращение конечностей в дым».

— Я не подпишу это, — сказала я.

Магистр Фальк нахмурился:

— Почему?

— Пункт восемь: «Целительница обязуется раскрывать Повелителю все мысли, намерения и воспоминания по первому требованию».

— Стандартная формулировка.

— Рабство тоже когда-то считалось стандартной формулировкой.

— Что такое рабство? — поинтересовался Дарен.

Я медленно повернулась к нему.

— Вы серьезно?

— В моих владениях запрещено владеть разумными существами.

— Тогда зачем вам полный доступ к моим мыслям?

— Чтобы убедиться, что ты не шпион.

— Это нарушит мои границы.

— У тебя есть границы?

— Теперь как минимум одна.

Мы сидели в библиотеке. Контракт лежал на длинном столе между нами, подсвеченный синими огнями. За окнами занимался рассвет. Спать мне хотелось так сильно, что даже перспектива превратиться в дым казалась не самой худшей формой отдыха.

Дарен выглядел не лучше.

— Что ты предлагаешь? — спросил он.

Я взяла перо:

— Пункт восемь заменить. Я обязуюсь не использовать сведения, полученные во время сеансов, с целью причинить вам вред. Вы обязуетесь не требовать раскрытия информации обо мне, не относящейся к вашей безопасности и терапии.

Фальк покачал головой:

— Слишком расплывчато. Магия не любит двусмысленностей.

— Тогда добавьте определение вреда.

— Это еще три страницы.

— Добавляйте.

Через час контракт разросся до семнадцати страниц.

Мы предусмотрели право отказаться отвечать на вопрос, обязанность предупреждать о магических экспериментах, запрет на чтение мыслей и отдельный пункт о конфиденциальности.

— Почему я не могу рассказывать о сеансах? — спросил Дарен.

— Вы можете говорить о собственных переживаниях. Нельзя раскрывать личную информацию других участников, если она появится.

— Участников будет больше?

— Возможно. Например, на учебных занятиях.

— Ты собираешься лечить моих магов?

— Судя по тому, что я видела в тронном зале, начинать можно с любого.

Фальк тяжело вздохнул:

— А что означает этот пункт?

Он указал на последнюю строку, которую я вписала сама:

«Терапевтический договор не дает ни одной стороне права на тело, свободу, магию или личные решения другой стороны».

— Именно то и означает.

— Но право Повелителя распространяется на все в пределах его владений.

— На меня не распространяется.

— Ты находишься в его владениях.

— Мое тело находится в его владениях. Оно не становится от этого его собственностью.

Фальк посмотрел на Дарена, ожидая вспышки.

Тот молча изучал строку.

— Оставь, — сказал он.

Магистр вздрогнул:

— Повелитель?

— Оставь пункт.

Контракт положили в центр магического круга. Фальк протянул мне тонкий нож.

— Необходимо по капле крови.

— Об этом стоило предупредить заранее.

— Укол не смертелен.

— Людям обычно нравится знать, когда их собираются проткнуть.

Я сделала неглубокий надрез на пальце. Капля упала на пергамент. Дарен сделал то же самое.

Строки вспыхнули.

Свет побежал по страницам. В библиотеке задрожали стекла, книги начали вылетать с полок, а тени Дарена взмыли под потолок.

— Это нормально? — спросила я.

— Нет, — ответил Фальк.

Пол под ногами исчез.

Не буквально — скорее перестал ощущаться. Перед глазами возникло бесконечное пространство, заполненное серебряными нитями. Одна из них тянулась от меня к Дарену.

Я почувствовала чужую боль.

Не мысли. Не воспоминания. Только ощущение: холод, одиночество и постоянная необходимость ждать удара.

Связь длилась одно мгновение.

Затем библиотека вернулась.

Контракт поднялся в воздух. На его первой странице проступила новая строка:

АЛИНА ВОРОНЦОВА. ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА ДУШ ВЫСШЕГО РАНГА.

Фальк сел прямо на пол.

— Такого ранга не существует.

— Теперь существует, — заметила я.

Дарен смотрел на меня иначе. Не мягче, но настороженнее.

— Что ты увидела?

— Ничего, что собираюсь обсуждать без вашего согласия.

— Контракт показал тебе мою душу.

— Только эмоциональный фон. И даже если бы больше — мы только что подписали соглашение о конфиденциальности.

Тени осторожно коснулись моего запястья.

Дарен заметил это и отозвал их.

— Они никогда не приближаются к чужим добровольно.

— Возможно, им тоже нужен психолог.

— Не переоценивай себя.

— Это моя вторая лучшая профессиональная черта.

— А первая?

— Умение вовремя остановиться. Поэтому первая консультация закончена.

Он посмотрел на окно:

— Мы говорили всего несколько часов.

— Именно. Сейчас вам нужно поспать.

— У меня совет в девять.

— Отмените.

Фальк издал слабый звук.

— Я не отменял совет уже двенадцать лет, — сказал Дарен.

— Значит, коллеги будут вам благодарны.

— Они решат, что я умер.

— Пусть порадуются, а потом разочаруются.

Дарен поднялся.

— Фальк, отмени совет.

Магистр уставился на него:

— Какую причину указать?

Темный Властелин задержался у двери.

— Целительница душ высшего ранга запретила мне работать.

К полудню вся Академия была убеждена, что я подчинила разум Разрушителя Мира.

Глава 4. Академия очень темных искусств

Академия Сумеречных Искусств напоминала университет, построенный архитектором с тяжелой личной историей.

Башни пронзали облака. На стенах двигались барельефы. Каменные горгульи обсуждали студентов и делали ставки, кто первым провалит экзамен по некромантии. Над внутренним

двором висело искусственное затмение, потому что некоторым видам магии якобы мешал солнечный свет.

Подозреваю, архитектору просто не нравились ясные дни.

Мне выделили комнаты в западной башне. Гостиная, спальня, ванная с саморазогревающейся водой и кабинет, окна которого смотрели на кладбище.

— Лучший вид в Академии, — сообщила девушка, встречавшая меня у дверей. — Здесь всегда тихо. Кроме четвергов.

— Что происходит по четвергам?

— Учебные восстания мертвых.

Она улыбнулась и протянула руку:

— Нэра Лин. Третий курс, факультет практической некромантии. Меня назначили вашей помощницей.

На вид Нэре было лет девятнадцать. Темные волосы она собрала в два хвоста, а поверх черной формы надела розовый шарф с вышитыми черепами.

За ее спиной стоял скелет в аккуратном жилете.

— Это Федор, — представила его Нэра. — Не волнуйтесь, он воспитанный.

Федор поклонился.

— Очень приятно, — сказала я.

Скелет постучал зубами.

— Он говорит, что у вас хороший энергетический контур.

— Передай ему спасибо.

Нэра просияла:

— Вы первая, кто не закричал.

— Последние сутки заметно изменили мою шкалу странностей.

Мы вошли в кабинет. Там уже поставили два кресла, стол и массивный шкаф. На стене висел портрет Дарена с мечом в одной руке и чьей-то отрубленной головой в другой.

— Портрет убрать, — сказала я.

— Почему?

— Представьте, что вам нужно рассказывать о страхе перед преподавателем, а он смотрит со стены с отрубленной головой.

Нэра задумалась:

— У нас это обычная ситуация.

— Все равно убрать.

Федор снял картину и поставил лицом к стене.

Через десять минут дверь распахнулась. В кабинет вошел широкоплечий мужчина с багровым шрамом через лицо.

— Где она?

— Зависит от того, кого вы ищете, — ответила я.

— Ментальная колдунья.

— Тогда не здесь.

Мужчина подозрительно оглядел помещение:

— Вы подчинили Верховного магистра.

— Нет.

— Он отменил утренний совет.

— Потому что не спал.

— Он никогда не спит.

— Это не достоинство, а проблема.

Нэра шепнула:

— Профессор Корвин, глава кафедры боевой магии.

Корвин оперся ладонями на мой стол:

— Я требую снять с него заклинание.

— Я не применяла заклинаний.

— Тогда как вы заставили его изменить решение?

— Задала вопросы, выслушала ответы и предложила вариант.

Профессор отшатнулся:

— Запретная риторика.

— Общение.

— У нас это называется иначе.

За спиной Корвина возникла тень.

Она поднялась по стене и сложилась в фигуру Дарена.

Сам Дарен вошел секундой позже.

— Корвин.

Профессор выпрямился:

— Повелитель, я пытался освободить вас от контроля.

— Покинь кабинет.

— Но...

Тени вытолкнули его в коридор и закрыли дверь.

Дарен выглядел немного лучше. Он сменил парадный камзол на простую черную рубашку, а волосы не были уложены с обычной пугающей безупречностью.

— Вы поспали? — спросила я.

— Два часа.

— Мало.

— В два раза больше обычного.

— Это не тот прогресс, которым стоит хвастаться.

Нэра и Федор синхронно повернулись к стене, демонстрируя, что совершенно не слушают.

Дарен заметил скелета:

— Почему в твоём кабинете мертвец?

Федор возмущенно постучал зубами.

— Он говорит, что термин «мертвец» стигматизирует посмертно активных, — перевела Нэра.

— Простите, — сказала я Федору. — Мы учтем.

Дарен посмотрел на нас троих и, кажется, впервые усомнился, что именно он здесь самый пугающий.

— Завтра в десять, — сказала я. — Полноценный сеанс.

— У меня занятия.

— В одиннадцать?

— Совет.

— В двенадцать?

— Допрос.

— Перенесите допрос.

— Заключение может не дожить.

— Тогда сначала допрос, потом сеанс. В час.

Он медленно выдохнул:

— В час.

— Хорошо. И до встречи попробуйте заметить, в какие моменты тени выходят из-под контроля.

— Я знаю эти моменты.

— Запишите.
— Я ничего не записываю.
— Почему?
— За мной ходят летописцы.
Я посмотрела на дверь. Из-за нее тут же исчез край коричневой мантии.
— Тогда пусть летописец составит таблицу триггеров.
Дарен прикрыл глаза.
— Ты собираешься превратить хронику моего правления в медицинскую карту?
— Только самые интересные части.
Нэра подняла руку:
— А можно я помогу?
— Можно, — разрешила я.
— Нельзя, — одновременно сказал Дарен.
Нэра опустила руку.
— Прекрасно, — продолжила я. — Мы уже нашли тему следующего занятия.
— Какую?
— Ваше отношение к потере контроля.
Тени раздраженно распушились.
За дверью летописец торопливо заскрипел пером.

Глава 5. План лечения и три запретных слова

Дарен пришел ровно в час.

Это отличало его от большинства моих прежних клиентов, которые считали пять минут опоздания допустимыми, пятнадцать — естественными, а предупреждение за сутки — нарушением личной свободы.

Он осмотрел кабинет.

Портрета не было. Кресла стояли не напротив, а немного под углом. На столе Нэра оставила чайник и тарелку печенья в форме надгробий.

— Почему здесь нет стола между нами? — спросил Дарен.

— Чтобы он не создавал барьер.

— Мне нравится барьер.

— Я заметила.

Он сел. Тени растеклись вокруг кресла.

— Прежде чем начнем, — сказала я, — напомним: вы можете не отвечать. Можете остановить сеанс. Можете задавать вопросы.

— Я могу уйти?

— Да.

Он явно не ожидал этого.

— Тогда почему я должен остаться?

— Не должны. Но, возможно, хотите выяснить, что с вами происходит.

Дарен откинулся на спинку кресла:

— Начинай.

— Что вы записали о вспышках магии?

Он достал сложенный лист.

— Вы все-таки сделали задание?

— Летописец сделал.

На листе каллиграфическим почерком значилось:

06:40. Упоминание налоговых отчетов. Незначительное затемнение коридора.

07:15. Студент назвал Повелителя «господин ректор». Самопроизвольное появление трех призрачных палачей.

08:03. Письмо императрицы. Разрушение двух окон.

08:05. Второе письмо императрицы. Разрушение оставшихся окон.

Я перечитала последние строки.

— Что было в письмах?

— Это не относится к делу.

— Судя по окнам, относится.

— Она интересовалась подготовкой к багровой луне.

— То есть вашей готовностью убить меня?

— В частности.

— А еще?

Тени приподнялись.

— Она напомнила о моих обязанностях.

— Как вы себя почувствовали?

— Никак.

— Что подумали?

— Что она снова пытается контролировать...

Он замолчал.

— Продолжайте.

— Нет.

— Хорошо. Что происходило в теле?

Дарен нахмурился:

— Ты постоянно спрашиваешь о теле.

— Потому что оно часто реагирует раньше, чем мы успеваем осознать эмоцию.

— У меня нет эмоций.

— Это тоже симптом.

Тень стукнула по ножке кресла.

— Есть три слова, которые ты не должна произносить.

— Какие?

— Детство. Чувства. Матушка.

— Очень информативный список.

— Я запрещаю их произносить.

— В моем кабинете вы можете просить. Не запрещать.

Воздух похолодел.

Дарен подался вперед:

— Ты забываешь, с кем говоришь.

— Нет. Я говорю с человеком, который добровольно пришел на терапию.

Тени поднялись до подлокотников.

Я сохраняла спокойный тон, хотя пульс ускорился.

— Сейчас вы злитесь, потому что почувствовали потерю контроля. Возможно, еще и угрозу.

— Ты мне не угрожаешь.

— Рационально вы это понимаете. Реакция тела говорит другое.

— Мои реакции не имеют над мной власти.

В тот же момент на столе лопнула чашка.

Чай завис в воздухе черными каплями.

Мы оба посмотрели на них.

— Убедительный пример, — сказала я.

Дарен раздраженно взмахнул рукой. Чашка восстановилась, а чай вернулся внутрь.

— Что ты собираешься со мной делать?

— Ничего без вашего участия. Предлагаю план.

Я передала ему лист.

— Первый этап — стабилизация. Сон, питание, навыки возвращения в настоящее, снижение общего напряжения. Второй — понимание связей между ситуациями, мыслями, эмоциями и действиями. Только потом можно осторожно работать с травматическими воспоминаниями.

— Ты считаешь меня слабым.

— Нет. Но вы живете так, словно до сих пор находитесь среди опасностей, которые когда-то пережили.

Он пробежал взглядом текст:

— «Дыхательные упражнения»?

— Да.

— Я Темный Властелин.

— Темным властелинам тоже нужен кислород.

— «Дневник мыслей»?

— Можно поручить летописцу.

— Нет.

— Значит, будете вести сами.

Он отложил лист.

— Я согласен на первые два пункта. Никаких разговоров о прошлом.

— Пока — никаких.

— И не произноси три слова.

— Постараюсь не использовать их без необходимости.

— Это не обещание.

— Верно.

Дарен долго смотрел на меня.

Потом взял печенье-надгробие и осторожно откусил угол.

— Отвратительно, — сказал он.

— Нэра пекла сама.

Он положил печенье обратно.

За дверью раздался обиженный вздох.

— И еще один вопрос, — сказала я. — Когда вы понимаете, что можете потерять контроль, что вы обычно делаете?

— Ухожу туда, где никого нет.

— Это разумная стратегия предотвращения вреда.

Дарен замер.

— Что?

— Вы не хотите причинять людям вред. Поэтому изолируетесь.

— Все считают, что я ухожу, чтобы подготовить наказание.

— А что делаете на самом деле?

Он отвернулся.

— Жду, пока закончится.

В этой короткой фразе оказалось больше одиночества, чем во всей мрачной Академии.

— Я могу научить вас не просто ждать, — тихо сказала я. — Но для этого нам придется иногда говорить о том, что вы запретили.

Тени опустились на пол.

— Не сегодня.

— Не сегодня, — согласилась я.
Это был не отказ.
Это была отсрочка.

Глава 6. Ужин с эмоциональным шантажом

На торжественный ужин я идти не хотела.

Дарен настоял.

— Это не приглашение, — сообщил он.

— Тогда я отказываюсь.

— Ты не можешь отказаться от приказа.

— Могу. Пункт двенадцать, подпункт четыре нашего контракта.

Дарен молча посмотрел на Фалька.

Фальк раскрыл копию договора:

— Она права.

— Зачем ты добавил этот пункт?

— Вы приказали удовлетворить ее требования.

— Я не ожидал, что ты сделаешь это настолько тщательно.

— Я горжусь своей работой.

В итоге Дарен переформулировал приказ в просьбу, а я согласилась присутствовать в качестве наблюдателя.

Столовая Академии могла вместить сотни людей. Под потолком плавали свечи, на длинных столах появлялись блюда, а в центре зала играл оркестр призраков. Нэра усадила Федора рядом с собой и поставила перед ним пустую тарелку из уважения к традициям.

Дарен сидел во главе стола.

При виде него разговоры стихали. Преподаватели выпрямлялись, студенты опускали глаза. Он не сделал ничего угрожающего, но все вокруг заранее готовились к опасности.

Такая реакция закрепляла его убеждение, что близость невозможна.

Замкнутый круг, только с призраками и дорогой посудой.

Я сидела справа от него. Слева устроился Фальк.

— Вы весь вечер наблюдаете за мной, — негромко сказал Дарен.

— Это часть работы.

— Остальные тоже наблюдают.

— Они ждут, когда вы кого-нибудь испепелите.

— А ты?

— Когда вы устанете делать вид, что вам нравится этот ужин.

Он бросил на меня быстрый взгляд.

В этот момент окна распахнулись.

В зал влетела золотая птица. Она сделала круг под потолком и опустилась перед Дареном, превратившись в свиток с императорской печатью.

Пальцы Дарена сжались.

Тени под столом зашевелились.

— Вы обязаны читать сейчас? — спросила я.

— Послания императрицы не откладываются.

— Почему?

— Потому что не откладываются.

Он сорвал печать.

Голос женщины разнесся по залу:

— Дарен. До меня дошли тревожные слухи о твоей нерешительности.

Тени поднялись по стенам.

Оркестр замолчал.

— Ты уже допустил непростительную ошибку, не исполнив пророчество. Теперь позволяешь чужеземной женщине отвлекать тебя от долга.

На столе задребезжали кубки.

— Помни, кем я тебя сделала. Без моей воли ты остался бы слабым, бесполезным ребенком, неспособным удержать даже собственную магию.

Дарен побелел.

Стены содрогнулись.

Люди начали вставать, готовясь бежать.

— Дарен, посмотрите на меня, — сказала я.

Он не реагировал.

Тени хлынули из-под его кресла. Один из столов треснул пополам. Свечи погасли.

— Все покиньте зал! — крикнул Фальк.

— Нет, — сказала я. — Медленно отойдите к стенам. Не бегите.

Резкие движения могли усилить ощущение угрозы.

Я повернулась к Дарену:

— Вы сейчас в Академии. Это послание. Ее здесь нет.

— Замолчи, — выдохнул он.

— Могу замолчать. Но сначала назовите пять вещей, которые видите.

— Уходи.

— Пять вещей.

Черная волна ударила по полу. Мое кресло опрокинулось, но я удержалась на ногах.

— Потолок, — подсказала я. — Стол. Я. Что еще?

Дарен закрыл глаза.

— Откройте их. Посмотрите вокруг.

— Я уничтожу зал.

— Возможно. Но сначала пять вещей.

Он тяжело вдохнул.

— Кубок.

— Хорошо.

— Окно.

— Еще.

— Твой нелепый зеленый плащ.

— Мне его выдали. Продолжайте.

Тени замедлились.

— Фальк. Часы.

— Четыре вещи, которых можете коснуться.

Дарен положил ладонь на стол:

— Дерево. Кресло. Ткань. Перстень.

— Три звука.

Он прислушался.

— Дождь. Дыхание людей. Твой голос.

— Два запаха.

— Воск. Розмарин.

— Один вкус.

Дарен посмотрел на надкушенное печенье у своей тарелки:

— Ужасное печенье Нэры.

Из дальнего конца зала донеслось оскорбленное:

— Оно шоколадное!
Тени опали.
Стены перестали дрожать.
Дарен сидел, вцепившись в край стола. По виску стекала капля пота.
— Что произошло? — спросил он.
— Ваш мозг воспринял голос как непосредственную угрозу. Мы помогли ему заметить, что вы находитесь здесь, а не там.
— Где — там?
— Ответ на этот вопрос вы дадите, когда будете готовы.
Свиток все еще лежал перед ним.
— Послание не закончено, — сказал Фальк.
Дарен посмотрел на золотую печать.
Потом поднес ладонь к бумаге.
Свиток вспыхнул и превратился в пепел.
Присутствующие ахнули.
— Ответить императрице? — спросил Фальк.
Дарен медленно разжал пальцы:
— Да.
— Что передать?
Он посмотрел на меня.
— Передай, что ее послание получено.
— И?
— И я отвечу тогда, когда сочту нужным.
Судя по лицу Фалька, конец мира только что все-таки начался.
Просто совсем не так, как ожидали пророчества.

Глава 7. Арт-терапия на костях врагов

— Я не буду рисовать.
Дарен стоял посреди кабинета и смотрел на мольберт так, словно тот оскорбил память его предков.
— Почему?
— Это бессмысленно.
— Вы никогда не пробовали.
— В шесть лет мне давали уроки живописи.
— И?
— Учителя сослали.
— За что?
— Он сказал, что я неправильно изображаю солнце.
— А вы?
— Солнце взорвалось.
Я отложила кисти.
После ужина Дарен два дня избегал любых разговоров о послании. Он исправно выполнял дыхательные упражнения, составил таблицу вспышек и даже признал, что печенье Нэры не вызывает физического отравления. Но при приближении к болезненной теме замыкался.
Иногда прямой разговор был не лучшим способом.
— Хорошо, — сказала я. — Краски отменяются.
Дарен с подозрением посмотрел на меня:
— Так просто?

— Конечно. Арт-терапия не ограничивается рисованием.

Я открыла дверь:

— Нэра, заноси.

Нэра появилась с огромной корзиной костей. За ней шел Федор, неся под мышкой чей-то позвоночник.

Дарен медленно повернул голову ко мне:

— Что это?

— Списанные материалы с факультета некромантии, — объяснила Нэра. — Учебные. Почти ничьи.

— Что значит «почти»? — спросила я.

— Большинство владельцев уже не жалуются.

— Нэра.

— Все обработано и безопасно, честное некромантское!

Дарен взял длинную кость:

— И что я должен делать?

— Создать композицию, — сказала я. — Не задумывайтесь о красоте. Выберите предметы и расположите так, как хочется.

— Это все еще бессмысленно.

— Можно уйти.

Он посмотрел на дверь.

Потом сел на пол рядом с корзиной.

Первые несколько минут ничего не происходило. Дарен перебирал кости без интереса. Затем выбрал несколько ребер и поставил их вертикально. Тени помогли удержать конструкцию. В центре он разместил темный кристалл, найденный среди материалов.

Вокруг появились кольца из позвонков.

Нэра тихо отступила к стене.

Дарен работал почти час. В итоге на полу возникла клетка. Внутри лежал кристалл. Снаружи стояла фигурка, собранная из тонких костей. В ее руке находилась игла, направленная внутрь.

— Закончили? — спросила я.

— Да.

— Что здесь происходит?

— Ты специалист. Сама скажи.

— Важно не то, что вижу я.

Дарен раздраженно вздохнул:

— Это источник силы.

Он указал на кристалл.

— Почему он в клетке?

— Иначе сила уничтожит все вокруг.

— А фигура снаружи?

— Тот, кто контролирует клетку.

— Кто это?

— Не знаю.

Тени вокруг конструкции дрогнули.

— Вы смотрите на фигуру и задерживаете дыхание.

— Я дышу.

— Реже, чем минуту назад.

Дарен отвел взгляд.

— В детстве... — начал он и резко замолчал.

Я ничего не сказала.

Он мог продолжить. Мог остановиться.

— Когда магия впервые проявилась, — произнес он наконец, — я разрушил восточную башню дворца. Погибли люди.

— Сколько вам было?

— Семь.

— Что случилось перед вспышкой?

Его лицо стало неподвижным.

— Моя мать приказала запереть меня в комнате без окон. Она хотела проверить, смогу ли я выбраться.

— Вы боялись?

— Это слово отсутствовало в списке запрещенных.

— Я помню.

— Да.

Ответ прозвучал почти неслышно.

— После разрушения башни она сказала, что была права. Что внутри меня живет чудовище и только она может удержать его.

Он посмотрел на костяную клетку.

— Поэтому она контролировала обучение. Сон. Питание. Каждое решение. Если я сопротивлялся, она напоминала о погибших.

— Кто расследовал разрушение башни?

— Никто.

— Откуда вы знаете, что люди погибли именно из-за вас?

Дарен нахмурился:

— Она сказала.

— Были свидетели?

— Мне было семь.

— Тогда у нас есть утверждение вашей матери, сделанное после того, как она намеренно заперла испуганного ребенка и спровоцировала вспышку магии.

Костяная фигурка треснула.

— Ты обвиняешь императрицу.

— Я говорю, что ответственность взрослого и ответственность семилетнего ребенка не равны.

— Она учила меня контролю.

— Контроль через страх не дает безопасности. Он создает зависимость от того, кто этот страх поддерживает.

Кристалл внутри клетки вспыхнул.

Дарен поднялся:

— Достаточно.

— Хорошо.

— Ты не станешь меня останавливать?

— Нет.

— Не скажешь, что мы почти дошли до истины?

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы имеете право остановиться.

Он посмотрел на дверь, но не ушел.

Вместо этого вернулся к композиции и вынул кристалл из клетки.

Костяные ребра рассыпались.

— Что это значит? — спросила я.

— Не знаю.

— Иногда не обязательно знать сразу.

Дарен положил кристалл на стол.

— Оставь его.

— Хорошо.

Когда он ушел, Федор подошел к разрушенной конструкции и поднял фигурку.

— Да, — тихо сказала Нэра, прислушавшись к стуку его зубов. — Я тоже думаю, что это была императрица.

Я убрала кристалл в ящик.

В глубине камня продолжала пульсировать тьма.

Глава 8. Древнее заклинание активного слушания

Проблема началась с профессора Корвина.

Он подслушивал под дверью.

Я обнаружила это, когда вышла после сеанса и увидела его лежащим на полу. Рядом стояли трое преподавателей, две горгульи и студент с блокнотом.

— Мы проводили проверку безопасности, — заявил Корвин, поднимаясь.

— Ухом?

— Я исследовал защиту двери.

— И что выяснили?

— Она пропускает звук.

Я посмотрела на Нэру.

— Нужно установить звукоизоляцию.

— Уже заказала заклинание, — ответила она. — Но мастер сможет прийти только в понедельник. До этого его преследует бывшая жена.

— Прокляла?

— Хуже. Пишет ему письма.

Корвин отряхнул мантию:

— Я слышал, как вы применили к Повелителю заклинание.

— Какое?

— Вы повторили его слова другими словами, после чего он раскрыл тайну прошлого.

— Это называется перефразированием.

— Древний термин?

— Обычный.

— Затем вы назвали эмоцию, о которой он не говорил.

— Отражение чувств.

Корвин побледнел:

— Отражение... Значит, заклинание работает через зеркальную магию.

— Нет.

— Вы отказываетесь раскрывать технику?

— Я готова раскрыть ее всем желающим.

Так в Академии появился семинар по активному слушанию.

На первое занятие пришло сто двадцать человек. Половина принесла защитные амулеты. Остальные — оружие.

Дарен стоял у дальней стены, скрестив руки на груди.

— Вы тоже участвуете? — спросила я.

— Наблюдаю.

— Тогда садитесь.

— Я Верховный магистр.

— На занятии все равны.

Сто двадцать голов повернулись к нему.

Дарен медленно сел в последнем ряду.

— Сегодня, — начала я, — мы будем учиться слушать собеседника так, чтобы понять смысл сказанного, а не подготовить собственный ответ.

Студенты зашептались.

— Это невозможно, — заявил Корвин.

— Почему?

— Если не готовить ответ, противник получит преимущество.

— Собеседник не всегда противник.

— Спорное утверждение.

Я разделила участников на пары. Один должен был две минуты рассказывать о небольшой проблеме. Второй — не перебивать, затем кратко пересказать услышанное и предположить, какие чувства испытывал говорящий.

Корвин оказался в паре с преподавательницей алхимии.

— Меня раздражает, — начала она, — что после ваших тренировок студенты возвращаются в лабораторию с опаленными волосами.

— Это закаляет характер, — ответил Корвин.

— Вы уже нарушили правило, — сказала я.

— Но она права.

— Сначала покажите, что слышали.

Корвин стиснул зубы:

— Ты считаешь, что я поджигаю студентов без необходимости.

— Не совсем. Я сказала...

— Не подсказывайте, — остановила я. — Профессор, попробуйте снова.

Через двадцать минут он сумел произнести:

— Ты злишься, потому что повреждения мешают занятиям и тебе приходится исправлять последствия.

Алхимик потрясенно посмотрела на него:

— Да.

Корвин вскочил:

— Получилось! Я подчинил ее!

— Вы поняли ее.

— Она согласилась со мной.

— Она подтвердила, что вы верно отразили ее позицию. Это не означает согласия.

— У вашей магии слишком много ограничений.

В последнем ряду Дарен разговаривал с Нэрой. Она что-то объясняла, быстро размахивая руками.

— То есть, — медленно сказал он, — ты расстроилась, когда преподаватель оживил твоего кота без разрешения, потому что хотела провести ритуал сама?

Нэра кивнула:

— И теперь кот игнорирует мои команды.

— Возможно, ты чувствуешь, что у тебя отняли важный опыт.

Нэра распахнула глаза:

— Именно!

По аудитории пронесся испуганный шепот:

— Повелитель овладел заклинанием...

— Оно действует без жестов...

— Разрушитель читает души...

Дарен посмотрел на меня. В его глазах мелькнуло веселье.

— Я правильно применил технику?

— Да. Но есть важный момент. Активное слушание нельзя использовать, чтобы заставить человека согласиться или получить от него нужную реакцию.

— Почему?

— Тогда это будет манипуляция.

— А если результат полезен?

— Кто определяет пользу?

— Я.

— Именно поэтому нам и нужен этот разговор.

После занятия Корвин догнал меня у выхода.

— Целительница!

— Да?

— Мне необходимо индивидуальное обучение.

— Для чего?

Он мрачно посмотрел на алхимика, удалявшуюся по коридору:

— Я извинился перед профессором Иараной.

— И?

— Она не стала меня бить.

— Хороший результат.

— Хуже. Она предложила вместе изменить программу тренировок.

— Ужасно.

— Это заклинание полностью разрушит академическую дисциплину.

Из аудитории вышел Дарен.

— Корвин, — произнес он, — я слышу, что ты встревожен возможными переменами, потому что привык считать страх основой порядка.

Профессор побелел.

— Он применяет это против меня!

— Нет, — сказала я. — Но формулировка действительно немного пассивно-агрессивная.

Дарен остановился рядом:

— Мне еще нужно практиковаться.

— Всем нужно.

Мы пошли по коридору. Тени скользили за ним, но больше не заставляли студентов вжиматься в стены.

— Ты знала, что это сработает? — спросил Дарен.

— Что именно?

— Они перестали бояться говорить при мне.

— Пока не перестали. Но начали пробовать.

— Это опасно.

— Для кого?

Он задумался.

— Для того, кем я привык быть.

Я ничего не ответила.

Иногда лучшей техникой активного слушания было молчание.

Глава 9. Личные границы Темного Властелина

Императрица прислала третье письмо.

На этот раз Дарен не стал вскрывать его в одиночестве. Он принес свиток на сеанс и положил на стол.

— Я хочу прочитывать его здесь.

— Хорошо.

— Ты остановишь меня, если магия выйдет из-под контроля?

— Я помогу вам использовать уже знакомые навыки. Ответственность за магию останется вашей.

Он поморщился:

— Ты всегда портишь героические формулировки.

— Профессиональная привычка.

Дарен сломал печать.

Голос императрицы прозвучал негромко, но от этого не менее властно:

— Дарен, твое молчание недопустимо. Ты приедешь во дворец через три дня и приведешь чужеземную целительницу. Я лично выясню, что она с тобой сделала. Не вынуждай меня напоминать, кому ты обязан тронem, силой и жизнью.

Послание погасло.

Тени Дарена поднялись до уровня плеч.

— Пять вещей? — спросила я.

— Окно. Стол. Кресло. Кристалл. Ты.

— Четыре ощущения.

— Ткань рубашки. Подлокотник. Холод от теней. Камень под сапогами.

Он продолжил самостоятельно. Дыхание выровнялось. Тени опустились.

— Что хотите сделать? — спросила я.

— Поехать.

— Потому что хотите?

— Потому что она приказала.

— Я спросила, чего хотите вы.

Дарен сжал челюсти:

— Не ехать.

— Что вам мешает отказаться?

— Она прибудет сама.

— Возможно.

— Накажет Академию.

— Возможно.

— Лишит меня трона.

— Может ли?

— Нет.

Последнее слово прозвучало с удивлением.

— Тогда чего вы опасаетесь на самом деле?

Дарен посмотрел на погасший свиток:

— Что она окажется права.

— В чем?

— Что без нее я не способен контролировать себя.

— Что говорят факты последних дней?

Он перевел взгляд на тени.

— Я остановил вспышку.

— Не впервые.

— Впервые без ее заклинаний.

— Значит, вы уже получили часть ответа.

Дарен встал и подошел к окну. За стеклом над башнями кружили драконы-почтальоны.

— Как установить границу?

— Кратко описать решение. Не оправдываться бесконечно. При необходимости обозначить последствие нарушения.

— Пример.

— «Я не приеду во дворец. Я готов обсудить ситуацию письменно. Если вы придете без приглашения, встреча состоится только в присутствии свидетелей».

Дарен повернулся:

— Это звучит как объявление войны.

— Это звучит как расписание встречи.

— Ты не знаешь мою мать.

— Верно. Поэтому формулировка должна быть вашей.

Он вызвал чистый свиток. Несколько минут стоял неподвижно, затем заговорил:

— Матушка...

Тени дрогнули.

— Я не приеду во дворец и не приведу Алину. Решение о терапии принимаю я. Если ты хочешь обсудить его, обратись ко мне без угроз и оскорблений. В ином случае я не отвечу.

Свиток запечатался.

Дарен смотрел на него так, словно создал новое солнце и пока не решил, стоит ли оно ссылки.

— Отправить? — спросила я.

— Да.

Он раскрыл ладонь. Свиток превратился в черную птицу и вылетел через окно.

Тишина.

— Что вы чувствуете?

— Ужас.

— И?

Он прислушался к себе:

— Облегчение.

— Эти состояния могут существовать одновременно.

— Я думал, после отказа стану слабее.

— И что произошло?

Тени подняли со стола чашку и аккуратно подали ему.

— Ничего.

— Это тоже результат.

Дарен сделал глоток. Затем поставил передо мной маленькую шкатулку.

— Что это?

— Плата.

— Мой гонорар определен контрактом.

— Не плата за терапию. Награда.

Внутри лежало ожерелье с темным камнем размером с перепелиное яйцо.

— Это слишком дорого.

— Камень принадлежал первому Повелителю Теней. Он позволяет управлять ночными драконами и открывает любую дверь Академии.

— Тем более.

— Ты помогла мне сделать то, чего я не мог тридцать лет.

— Это сделали вы.

— Без тебя я бы не смог.

— Возможно. Но помощь не создает долг, который нужно погашать драгоценностями.

Дарен нахмурился:

— Я хочу, чтобы ты взяла его.

— Почему?

— Потому что тогда все будут знать, что ты под моей защитой.

— Я уже защищена контрактом.

— Этого недостаточно.

— Для вас или для меня?

Он замолчал.

Тени обвилились вокруг ножек моего кресла. Не удерживали. Скорее обозначали круг.

— Останься при мне, — произнес Дарен. — После багровой луны. Я дам тебе комнаты во дворце, титул и любое имущество. Никто не посмеет отнять тебя.

— Отнять меня у кого?

— У меня.

Вот оно.

Не угроза и не приказ. Попытка выразить привязанность единственным способом, который он знал: превратить ее во владение.

— Дарен, я не могу принадлежать вам.

Тени замерли.

— Я не это имел в виду.

— Вы сказали именно это.

— Я предложил защиту.

— Вместе с правом определять, где я живу и кому позволено ко мне приближаться.

— Я могу изменить условия.

— Дело не в формулировке.

Он отвернулся:

— Тогда забудь.

— Не хочу.

Дарен резко посмотрел на меня.

— Для меня важно, что вы сказали. Возможно, вы чувствуете благодарность, привязанность или романтический интерес. Возможно, все сразу.

Темнота вокруг него дрогнула.

— И что, если так?

Я выбрала слова особенно тщательно:

— Пока вы мой пациент, между нами не может быть романтических отношений.

Лицо Дарена стало непроницаемым.

— Потому что я Разрушитель?

— Потому что между терапевтом и пациентом есть неравенство. Вы делитесь уязвимыми переживаниями и доверяете мне. Я не имею права использовать это доверие для собственной выгоды.

— Я сам решаю, чего хочу.

— Да. Но за профессиональную границу отвечаю я.

Он подошел ближе:

— А ты чего хочешь?

Опасный вопрос.

Я могла спрятаться за правилами. Могла солгать. Оба варианта разрушили бы честность, которой я требовала от него.

— Вы мне безразличны, — сказала я. — Именно поэтому граница необходима.

Дарен замер.

Его тени растаяли, оставив нас без привычной завесы.

— Когда терапия закончится?

— Когда мы оба поймем, что вы достигли целей и можете двигаться дальше без регулярных сеансов. Не тогда, когда вам захочется ускорить события.

— Ты предусмотрела все.

— Нет. Просто раньше встречала людей, которые путали близость с правом собственности.

— И что с ними стало?

— Обычно они возвращались к топ-менеджменту.

Он не понял шутку, но смысл уловил.

Дарен закрыл шкатулку.

— Я сохраню ожерелье.

— Хорошо.

— До окончания терапии.

— Это не обещание с моей стороны.

— Я знаю.

Он направился к двери, затем остановился:

— Алина.

— Да?

— Спасибо, что не солгала.

После его ухода я некоторое время сидела неподвижно.

Потом открыла окно, вдохнула холодный воздух и честно признала очевидное:

Устанавливать границы с невероятно красивым Темным Властелином было намного сложнее, чем рекомендовать их клиентам.

На столе вспыхнул кристалл из костяной композиции.

Внутри него возникло лицо императрицы.

— Значит, — произнесла Астелла Морвейн, — это ты научила моего сына неповиновению.

Я медленно выдохнула.

— Нет, ваше величество. Этому он научился сам.

Кристалл покрылся инеем.

— Я прибуду в Академию через семь дней.

Связь оборвалась.

Из коридора донесся грохот. Дверь распахнулась, и в кабинет влетел магистр Фальк.

— Целительница, у нас беда!

— Императрица едет сюда?

Он остановился:

— Откуда вы знаете?

— Назовем это профессиональной интуицией.

Глубоко под Академией что-то взревело.

Стены башни задрожали. С кладбища взлетела стая призрачных птиц, а по стеклу поползла черная трещина.

Фальк побледнел:

— Проснулось чудовище Повелителя.

Я посмотрела на кристалл.

В его глубине по-прежнему пульсировала запертая тьма.

Похоже, следующий сеанс предстояло проводить в подземелье.

Глава 10. Чудовище под Академией

Глубоко под Академией что-то взревело. Звук был таким, что с потолочных плит посыпалась вековая пыль, а магические светильники в коридоре синхронно мигнули и погасли.

Магистр Фальк схватился за голову, его кристаллы на груди замигали паническим красным светом: — Это Хтонический Пожиратель! Фамильяр первого Повелителя! Он вырвался из клетки в нижних уровнях!

Дарен уже сформировал в руке клинок из черного пламени. Его лицо снова стало маской безжалостного хищника. — Останься здесь, — бросил он Алине. — Никуда я не останусь, — возразила Алина, хватая со стола магическую лампу. — Если это ваш фамильяр, то это семейная терапия. Идемте.

Спуск в подземелья напоминал экскурсию в параноидальный кошмар. Стены были покрыты инеем, а воздух пах озоном и сыростью. Огромная камера в самом низу была разворочена изнутри. В дальнем углу, вжавшись в сырой камень, сидело существо. Оно состояло из рваных теней, мерцающих фиолетовых глаз и зубов, способных перекусить наковальню.

Дарен поднял клинок: — Оно чувствует мою слабость. Сейчас оно нападет. — Дарен, опустите оружие, — спокойно сказала Алина. — Ты не понимаешь. Это чудовище. Оно разрушает все, к чему прикасается. — Посмотрите на его позу.

Дарен замер. — Уши прижаты. Хвост — или то, что его заменяет — поджат. Зрачки расширены. Оно не готовится к атаке. Оно в панике. — Хтонические Пожиратели не паникуют. — Этот — паникует.

Алина шагнула вперед. — Алина, нет! — крикнул Фальк, прячась за колонну. Она остановилась в пяти шагах от существа и медленно присела на корточки, опускаясь на его уровень. — Привет, — сказала она мягким, низким голосом, который обычно использовала для работы с детьми после тяжелых травм. — Здесь очень шумно и страшно, да?

Существо замерло. Один из фиолетовых глаз моргнул. Из его пасти вырвался звук, подозрительно похожий на жалобный скулеж. — Дарен, — не оборачиваясь, позвала Алина. — Уберите клинок. И тени. — Оно разорвет тебя. — Если вы не уберете агрессию, оно будет защищаться. Уберите оружие.

Клинок исчез. Тени Дарена неохотно отступили к стенам. — А теперь скажите ему что-нибудь. — Что именно? — Что-нибудь успокаивающее. Не как Верховный магистр. Как... хозяин. Или друг.

Дарен сглотнул. — Я... приказываю тебе успокоиться. Существо завывало и вжалось в камень еще сильнее, закрывая голову лапами. — Нет, — вздохнула Алина. — Без приказов. Вспомните, как вы сами себя чувствовали, когда вас запирали в темной комнате. Скажите ему то, что хотели бы услышать сами.

Дарен смотрел на клубок теней. Его лицо оставалось непроницаемым, но плечи чуть опустились. — Я здесь, — произнес он тихо. — Тебя никто не накажет. Существо вздрогнуло. — Я не позволю никому причинить тебе боль. Даже мне самому.

Огромная туша медленно поползла вперед. Фальк тихо застонал. Существо приблизилось к Алине, но смотрело на Дарена. Оно было размером с медведя, но двигалось с осторожностью испуганного щенка. Оно ткнулось холодным носом в ладонь Дарена. Тот замер. Медленно поднял руку и коснулся рваной тени. — Оно... не кусается, — удивленно сказал он. — Потому что это не Хтонический Пожиратель, — тихо ответила Алина. — Фальк, сколько лет этой твари? — По легендам, тысячи! — А по факту? Включите магическое зрение.

Фальк прищурился, активируя линзы. — Странно... Эманации совпадают с аурой Повелителя. И возраст... около двадцати трех лет. Дарен резко отдернул руку. — Двадцать три года назад... Мне было семь. Когда я разрушил восточную башню. — Мать сказала, что внутри вас живет чудовище, — напомнила Алина. — И заперла его. А вы поверили. И всю жизнь подавляли эту часть своей магии, считая её злом.

Существо жалобно заскулило и обвилось вокруг ноги Дарена, словно ища защиты. — Это не чудовище, Дарен. Это ваша сила. И ваша детская боль. Вы не можете её уничтожить. Её можно только принять. Дарен смотрел на существо, которое теперь выглядело не как Пожиратель, а как огромный, неуклюжий теневой пес. — Как его звать? — растерянно спросил Темный Властелин. — Это вам решать. Но, думаю, «Фамильяр» ему не подходит. — Мрак, — неуверенно предложил Дарен. Существо радостно твякнуло, случайно разрушив половину каменной кладки в углу. — Отличное имя, — кивнула Алина. — А теперь давайте вернем Мрака домой. И, Фальк, отмените сигнал тревоги. У нас тут просто семейное воссоединение.

Глава 11. Повелитель тьмы ложится спать

На следующее утро Алина провела ревизию личного кабинета Дарена. — Что это? — она указала на странный черный куб, пульсирующий багровым светом на столе. — Артефакт Бодрствования, — ответил Дарен, потирая виски. — Поддерживает концентрацию. — Сколько часов в сутки вы его используете? — Около двадцати.

Алина молча взяла куб и положила его в свой непрозрачный мешок для улик. — Эй! — Это магический энергетик с побочными эффектами в виде паранойи, тахикардии и истощения надпочечников. Вы пьете его вместо сна. С сегодняшнего дня вы спите по восемь часов. — У меня империя. — Империя не развалится за восемь часов. Фальк справится. — Фальк паникует, если я не проверяю казни лично. — Пусть паникует. Это его зона роста.

Алина достала пергамент. — Вот ваше новое расписание. После десяти вечера никаких совещаний. После полуночи — никаких магических экспериментов. Спальня является зоной, свободной от теней и политики. Дарен смотрел на неё со смесью ужаса и очарования. — Ты пытаешься сделать меня обычным человеком. — Я пытаюсь сделать вас живым.

В ту ночь Академия погрузилась в непривычную тишину. Обычно в два часа ночи по коридорам бродил Дарен, проверяя защитные купола и пугая студентов до икоты. Сегодня коридоры были пусты. Профессор Корвин не спал. Он сидел в своей комнате, обхватив голову руками. — Он замышляет нечто ужасное, — шептал он горгулье. — Он накапливает силы для массового расстрела.

Утром Дарен вышел в Большой зал. Студенты замерли. Ложки повисли в воздухе. Дарен подошел к окну, откинул тяжелую портьеру и посмотрел на солнце. — Доброе утро, — сказал он. Голос не гремел. В нем не было стали. За соседним столом студент-первокурсник тихо выдохнул, закатил глаза и упал в обморок прямо в овсянку.

Фальк подбежал к Алине: — Целительница! Он улыбается! У него дергается уголок рта! Это одержимость? Демон радости? — Это серотонин, Фальк. Оставьте его в покое.

Дарен сел за стол. Мрак (теперь старательно уменьшившийся до размера крупной собаки) лежал у его ног, грызя кость. — Я чувствую себя... странно, — признался Дарен, когда Алина села напротив. — Как именно? — Легко. Словно гравитация уменьшилась. И у меня нет желания казнить того, кто громко жует. — Это называется «отдых». Привыкайте. — Мне это не нравится. Я теряю бдительность. — Вы обрываете ресурс. Разница в том, что отдых не требует жертв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.